

DOI: 10.31857/S032103910001591-3

ПЕРСОНАЖ В ПОИСКАХ АВТОРОВ: ТРИ НЕНАПИСАННЫХ СОЧИНЕНИЯ О КОНСУЛЬСТВЕ ЦИЦЕРОНА

Н. В. Бугаева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: cethegilla@gmail.com

В статье рассматриваются неудачные попытки Цицерона стать героем литературных произведений: двух поэм и исторического труда. Примечательно, что всякий раз это было обращение к эллинам. Больше всего сведений о подзащитном великого оратора — поэте Архии. От него ожидалась эпическая поэма на греческом языке о событиях 63 г., которая должна была представлять собой панегирик и находиться в русле официальной версии заговора Катилины. Почти ничего не известно о сочинении (предположительно поэме) некоего Фиилла — человека невысокого социального статуса, делившего с Цицероном антикварные изыскания. В высшей степени информативно письмо, где вскользь упоминается об отказе Посидония Родосского. В качестве аналогии обращения к автору «Истории» рассматривается знаменитое письмо Цицерона к Лукцею. Вежливый отказ Посидония связан с нежеланием участвовать в пропагандистской кампании консула 63 г. и с отсутствием свободы творчества. Все три труда должны были быть написаны по-гречески и предназначены для широкого распространения. Просьбы М. Туллия опережали издание им автобиографических сочинений. По мнению автора статьи, и хронология, и выбор языка опровергают точку зрения, что самовосхваление Цицерона имело прежде всего практическую цель: пресечь нападки политических противников. Отец отечества главным образом стремился увековечить свою славу.

Ключевые слова: Цицерон, Архий, Фиилл, Посидоний Родосский, Поздняя Республика, литературная пропаганда

A CHARACTER IN SEARCH OF AUTHORS: THREE UNWRITTEN WORKS ABOUT CICERO'S CONSULSHIP

Natalia V. Bugaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: cethegilla@gmail.com

Данные об авторе. Наталья Владимировна Бугаева — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Все даты в статье, кроме Нового времени, — до нашей эры, если не указано иное.

The article deals with Cicero's failure to become the hero of a historical work and two poems. It is noteworthy that in each case the great orator appealed to the Greeks. He expected a panegyric epic poem in accordance with the official version of Catilina's plot from his former client Archias and (possibly) from a certain Thyillus, a man of low social status. Cicero also mentioned casually in his correspondence a rejection from Posidonius. The author draws parallels between the appeal to the author of *Histories* and Cicero's letter to Luceius. The polite refusal of Posidonius was conditioned by his reluctance to become part of a propaganda campaign and to be bound by strictly predetermined interpretation of the events. All three works requested by Cicero should have been written in Greek and intended for broad dissemination. Cicero's requests were sent ahead of the publication of his autobiographical works. Both the chronology and the choice of language refute the supposition that Cicero's self-laudation was concerned primarily with the practical aim of suppressing the attacks of his enemies. He was above all trying to perpetuate his glory.

Keywords: Cicero, Archias, Thyillus, Posidonius (Poseidonios), Late Roman Republic, literary propaganda

В названии статьи содержится намек на знаменитую пьесу Пиранделло, где шесть персонажей предлагают себя в качестве действующих лиц. Подобная ситуация может возникнуть как в смелом воображении драматурга, так и в жизни. Великий оратор М. Туллий Цицерон затратил большие усилия, чтобы сделаться героем литературных произведений. Насколько нам известно, предпринятые попытки не послужили темой специального исследования, которое могло бы добавить важные штрихи к портрету Цицерона и пролить свет на некоторые стороны политической жизни Поздней Республики. Надеемся, что наш скромный труд окажется небезынтересным для читателя.

Летом 61 г., спустя полтора года после подавления заговора Катилины, Атик получает от друга следующее письмо: «Твоими надписями, которые ты поместил в Амальтее, я буду доволен, особенно когда и Фиилл покинул меня, и Архий ничего не написал обо мне. К тому же я боюсь, что он, сочинив для Лукуллов поэму на греческом языке, теперь смотрит в сторону Цецилиевой драмы»¹. Как будет показано далее, перед нами перечень тех, с кем связывались надежды на создание хвалебных произведений. Случайно ли речь идет об эллинах? Какую роль они были призваны сыграть? Почему подводятся неутешительные итоги? Для ответа на эти и другие вопросы обратимся к творчеству великого оратора и его переписке.

Благодаря выступлению Цицерона в 62 г. мы неплохо осведомлены о поэте А. Лицинии Архии. Речь в его защиту с панегириком наукам и литературе и политическая подоплека обвинения многократно становились

¹ Cic. *Att.* I. 16. 15: Epigrammatis tuis, quae in Amaltheo posuisti, contenti erimus, praesertim cum et Thyillus nos reliquerit, et Archias nihil de me scripserit. Ac vereor, ne, Lucullis quoniam Graecum poema condidit, nunc ad Caecilianam fabulam spectet. Здесь и далее в неоговоренных случаях перевод В.О. Горенштейна.

предметом рассмотрения². Гораздо реже обращались к творчеству подсудимого³, в связи с чем, не претендуя на филологическое исследование, хотелось бы отметить ряд обстоятельств. Можно согласиться с теми, кто в отличие от Цицерона (*Arch.* 2; 3; 10; 18; 25; 31) не слишком высоко оценивал талант Архия и сомневался в столь уж широкой популярности последнего⁴, однако в глазах М. Туллия поэт обладал уже тем достоинством, что был вхож в высшее общество. Согласно речи, Архий поддерживал добрые отношения с Цецилиями Метеллами (Нумидийским и Пием), Лутациями Катулами (консулами 102 и 78 г. до н.э.). Стихотворца ценили М. Эмилий Скавр и Л. Красс-оратор; к его покровителям принадлежали знаменитый плебейский трибун М. Ливий Друз, братья Октавии (в том числе коллега Цинны по консульству), Катон (по утверждению схолиаста, отец Утического) и семейство Гортензиев во главе с выдающимся оратором Кв. Гортензием Горталом (*Cic. Arch.* 6; *Schol. Bob.* 82–83 Stangl). Цицерон перечислил цвет нобилитета: людей, в чьих руках находился контроль над Римской республикой. Но главными патронами Архия были Лицинии Лукуллы (*Arch.* 5); он, по-видимому, был наставником братьев Марка и Луция⁵, соединенных родственными узами с представителями перечисленных знатных

² См., например, Bellemore 2002; Grabar-Passek 1959, 224–225; Gruen 1974, 267–268; Hanchey 2013; Husband 1914; Modestov 1888, 221; Naguevskiy 1911, 271; Netushil 1912, 20–25; Petrovskiy 1958, 44–47; Taylor 1952; Wallach 1989; Vanhaegendoren 2004; Vitelli 1976; Porter 1990; Murphy 1958; Dugan 2001.

³ Haupt 1869, 206–207; Susemihl 1892; Reitzenstein 1895; Law 1936; Knox 2011, 197–200. Не утратила ценности написанная по-латыни диссертация Т. Рейнака (Reinach 1890). Об эпиграммах некоего Архия из Палатинской антологии см. Bodson 1975; Egan 1998; Giangrande 1975.

⁴ По отношению к Архию преобладают скептицизм (Law 1936, 229; Haupt 1869, 206; Vanhaegendoren 2004, 29, п. 23) или резкие оценки: «халтурщик» (Stumper: Susemihl 1892, 559, п. 201); «заурядный поэт», сделавшийся знаменитым благодаря Цицерону (Reinach 1890, 1–2; ср. 28, 29, 54). Х. Ло соглашается, что Архий не проявил себя выдающимся образом (Law 1936, 229; ср. Knox 2011, 197), как бы ни решалась проблема атрибуции отдельных стихов. Однако исследовательница допускает, что эпиграммы не позволяют судить о даровании автора в полной мере (Law 1936, 229; ср. Haupt 1869, 206).

⁵ Reinach 1890, 9; Netushil 1912, 20; Knox 2011, 198. Известно, что Л. Лукулл очень хорошо говорил и писал по-гречески (Plut. *Luc.* 1; ср. *Cic. Acad. Prior.* II. 1–4; Plut. *Luc.* 42), хотя извинялся за стилистические огрехи своей «Истории» (*Cic. Att.* I. 19. 10). Плутарх подчеркивает его филэллизм и приверженность греческой учености (Plut. *Luc.* 42). Взаимоотношения нобилей с Архием не могли быть чем-либо иным, кроме покровительства, даже если высказывается большое уважение (*Cic. Arch.* 5–7; 26). Можно согласиться с точкой зрения, что Архий жил у Лукуллов в качестве клиента, обучая детей и способствуя престижу знатной фамилии (Knox 2011, 197, 198; Gruen 1974, 267; Mitchell 1979, 6, 173; Netushil 1912, 21; Narducci 1999a, 37; Vretska, Vretska 1979a, 5).

родов⁶. На эту сплоченную политическую группировку опирался в конце 63—62 г. и Цицерон⁷.

О сохранности творчества Архия, как и о том, какие трудности подстерегают обращающегося к нему, писали неоднократно⁸. Что касается целей Цицерона, гораздо больший интерес вызывают не частично сохранившиеся эпиграммы, а полностью утраченный эпос: тот вид поэзии, на котором специализировался его подзащитный⁹. Он многократно произносил экспромтом стихи «именно о тех событиях, которые тогда происходили» (Cic. *Arch.* 18). Юноша Архий приступил (*attigit*)¹⁰ к описанию войны с кимврами, чем приобрел расположение Мария (19); в поэме о Митридатовой

⁶ На это обращали внимание в числе прочих исследователи процесса Архия (Vitelli 1976, 60—62). Сестра Кв. Катула, консула 78 г., Лутация (дочь Кв. Катула, консула 102 г., и Сервилии, дочери Кв. Цепиона) вышла замуж за Гортензия Гортала (Münzer 1927a, 2096; 1927b, 2073). За Л. Лукулла была отдана Сервилия, сестра Кв. Цепиона, женатого на дочери Гортензия (Münzer 1923, 1821; Münzer 1920, 282). Таким образом, Лутации, Сервилии, Гортензии, Лицинии состояли во взаимном родстве; близки к ним были Ливии Друзы, Порции Катоны, Юнии Бруты (Münzer 1920, 282). Благосклонность этих семейств к Архию подчеркивает Цицерон; не случайно перечень покровителей поэта очень близок к Cic. *Brut.* 222, где говорится о защитниках республики на гражданском поприще (Vitelli 1976, 62, n. 16).

⁷ Катул неоднократно называл Цицерона отцом отечества (Cic. *Pis.* 6; *Sest.* 121), обозначая свою политическую позицию. Если в ответ на нападки Метелла Непота сенат принял постановление в защиту М. Туллия (Dio Cass. XXXVII. 42. 2—3), последний был обязан этим доминировавшей *factio*.

⁸ Haupt 1869, 206—207; Reinach 1890; Law 1936; Petrovskiy 1958, 44; Porter, 1990, 139, n. 6. Ло, в частности, напоминает, что в «Антологии», наряду с десятью сочинениями сомнительного авторства, содержится 21 эпиграмма, относящаяся к Архию, четыре — к Архию Митиленскому, по одной — к Архию Македонскому и Архию Византийскому, две — к Архию Младшему и еще одна, вероятно, — к Архию Грамматику (Law 1936, 225). Поскольку эпиграммы, о которых идет речь, не упоминают важные события или прославленных современников, исследователи делают осторожные выводы, анализируя их место в сборнике, стиль, метрику и т.д. (Reinach 1890, 30—41; Susemihl 1891, 900; 1892, 559—560; 560, Anm. 201; Reitzenstein 1895, 463—464; Haupt 1869, 206; Knox 2011, 203). Об Архии как поэте круга Лутация Катула и о существовании сборника эпиграмм, составленного в это время, см. Vardi 2000, 152—154.

⁹ Reitzenstein 1895, 463; Petrovskiy 1958, 44; Clarke 1978, 48; Nose 1995, 458—460; ср. Haupt 1869, 206.

¹⁰ Существует точка зрения, что он обозначил намерение, но не довел дело до конца (Reinach 1890, 41; Steel 2001, 83—84; ср. Vretska, Vretska 1979b, 150). Уклончивое словоупотребление допускает подобную трактовку; и нельзя не вспомнить о судьбе поэмы в честь Цицерона. Тем не менее Т. Рейнак был склонен считать Архия первым из эллинов, кто прославил в эпической форме римлян и события их истории (Reinach 1890, 41). С этим соглашается П. Нокс (Knox 2011, 199; ср. 198). Примечательно, что в списке покровителей Архия отсутствует Марий. На наш взгляд, можно в менее категорической форме принять тезис Д. Хэнчи, что между Архием и Марием какие-либо личные взаимоотношения полностью отсутствовали (Hanchey 2013, 163; ср. Petrovskiy 1958, 44; Vitelli 1976, 62).

войне возвеличил Лукулла (21)¹¹. В этом же русле лежит готовность воспеть Цицерона (28) и подозрение последнего, что Архий вынашивал замысел написать Цецилиеву драму (*Cic. Att.* I. 16. 15). Здесь игра слов: оратор намекает как на поэта Цецилия Стация, так и на род Метеллов¹². Р. Райценштайн сгустил краски, говоря о «популярном поэте, пишущем для двора и по счастливым случаям»¹³. Однако выбор сюжетов говорит сам за себя: оказавшись в столице, Архий начал со стихов в честь консулов текущего года; затем превознес Лукулла¹⁴. Таким образом, можно согласиться с тем, что «Архий специализировался на поэмах, восхвалявших подвиги наиболее влиятельных римлян»¹⁵.

Выступить в качестве адвоката Цицерона побудил целый ряд причин¹⁶. Некоторые декларируются открыто, о некоторых умалчивается. Ни слова не произнесено о стремлении укрепить союз с группировкой Лукулла¹⁷, зато сказано о долге перед учителем (*Cic. Arch.* 1) и о некоей поэме (28). Сколь многим Цицерон был обязан Архию и насколько тесными были контакты, вопрос дискуссионный¹⁸. Создается впечатление, что юношеская

¹¹ Рейнак пытался найти следы утраченной поэмы Архия в Плутарховом «Жизнеописании Лукулла» (Reinach 1890, 52–54).

¹² Еще Рейнак видел в Цецилиевой драме «не что иное, как, по признанию ученых мужей, героическую поэму в честь некоего Метелла» (Reinach 1890, 45).

¹³ Reitzenstein 1895, 463; ср. Narducci 1999a, 60. Утверждение, что Архий был «придворным поэтом» (Hofdichter) Цицерона (Puelma 2000, 41), ошибочно.

¹⁴ Архий сопровождал его на войну (*Cic. Arch.* 11). Вероятно, поэт был представлен к награде (in beneficiis ad aerarium delatus est) за то, что воспел своего покровителя (Reinach 1890, 15, 16; Bertonati 1992, 85, n. 50; Vretska, Vretska 1979b, 109; ср. Husband 1914, 171).

¹⁵ Clarke 1978, 48; ср. Vitelli 1976, 61 и n. 15; Knox 2011, 198, 199. Цицерон утверждал, что поэт «направил все свое усердие и все свое дарование на то, чтобы возвеличить славу римского народа и воздавать ему хвалу (ad populi Romani gloriam laudemque celebrandam)» (*Cic. Arch.* 19). С точки зрения оратора, прославление выдающихся военачальников содействует всеобщей славе (*Arch.* 19, 21–22, 31).

¹⁶ Gruen 1974, 267–268; Husband 1914; Taylor 1952; Vitelli 1976, 62; Bugaeva 2017.

¹⁷ Gruen 1974, 267. Источниками также хорошо фиксируются тесные контакты между Лукуллом и Цицероном: «советы и влияние (consilium et auctoritas)» (*Cic. Acad. Prior.* II. 3) первого помогли последнему во время консулата; Л. Лициний был в числе друзей (φίλοις), с которыми отец отечества обсуждал, уходить ли ему в добровольное изгнание (*Plut. Cic.* 31). Наконец, Цицерон способствовал получению Лукуллом триумфа (*Cic. Acad. prior.* II. 3).

¹⁸ Цицерон говорит о большом влиянии, которое оказал на него Архий. Речь иногда характеризуют как произнесенную им «в защиту своего старого учителя» (Lawton 1900, 263; Clarke 1968, 21; ср. Knox 2011, 197, 199; Modestov 1888, 221; Taylor 1952, 62; Gruen 1974, 267; Clarke 1968, 19–20; Leen 1990, 351; Mitchell 1979, 6, 174; Dugan 2001, 36). Однако данный мотив крайне слабо развит, фактически лишь ради эффектного вступления (*Cic. Arch.* 1). Рейнак справедливо удивляется глубокому молчанию об Архии всегда, когда Цицерон говорит о своем детстве (Reinach 1890, 20; ср. Narducci 1999a, 44, n. 26). Французский ученый допускает, что М. Туллий мог слушать рецитации Архия или пользоваться его помощью при переводе стихов Арата (Reinach 1890, 20;

признательность выполняет роль дымовой завесы¹⁹, как и в случае, когда М. Туллий признается, что заинтересован получить от Архия поэму о событиях 63 г. Почему отец отечества идет на то, чтобы предстать перед слушателями в менее выгодном свете? Позволим не согласиться с мнением Ф.А. Петровского, считавшего, что *Pro Archia poeta* «принадлежит к наиболее искренним речам Цицерона и произнесена им в то время, когда он, достигнув наибольшей общественно-политической славы, считал для себя возможным открыто высказывать свои мысли и, со свойственной ему высокой самооценкой, ставить себя в пример остальным римлянам»²⁰. Можно допустить, что факт «сотрудничества» с Архием был хорошо известен (в том числе обвинителю); тогда великий оратор мастерски воспользовался им в свою пользу. У речи «В защиту Архия» серьезная политическая подоплека²¹, искусно маскируемая словами о личном долге и о непреходящей ценности науки и литературы. В данном ракурсе удобно рассматривать и откровенное признание планов на поэта (*Arch.* 28). Ведь констатируя очевидное честолюбие, можно скрыть за ним причины участия в политическом процессе. Напомним, что Архий, приверженец Лукуллов, был обвинен, по-видимому, с прямой подачи помпеянцев. Эта точка зрения появилась давно и получила распространение²². В частности, Э. Грюэн вписывает «дело Архия» в контекст целого ряда взаимно возбужденных сторонниками сенатской и помпеянской «партии» процессов²³.

Можно во многом принять аргументы Грюэна: Архий не представлял собой сколько-нибудь значимой политической фигуры, он был весьма пожилым и уже 27 лет (с 89 г.) пользовался правами римского гражданства. Дополнительным источником неприятностей подзащитного Цицерона послужило его творчество. Архий написал поэму о «войне с Митридатом, великой, тяжелой и протекавшей на суше и на море с переменным успехом». Хотя передан весь ход войны (*totum ab hoc expressum est*), стихи «возвеличивают... Луция Лукулла, храбрейшего и знаменитого мужа» (*Cic. Arch.* 21), и сочинение, похоже, являло собой панегирик²⁴. Как высшие почести отстраненному военачальнику задевали репутацию его преемника, так и поэма Архия должна была выглядеть (и, вероятно, задумывалась) вызовом противной

ср. Кнох 2011, 197), а также предполагает, что юношеская поэма Цицерона «Марий» была подражанием «Кимврике». Нейтральные формулировки см. Naguevskiy 1911, 271; Netushil 1912, 21; Petrovskiy 1958, 44; Gruen 1974, 267; Nesholm 2010, 487.

¹⁹ Противоположное мнение см. Gruen 1974, 267–268; Petrovskiy 1958, 44; Narducci 1999a, 62.

²⁰ Petrovskiy 1958, 44; ср. Taylor 1952, 62; Vanhaegendoren 2004, 29.

²¹ Наиболее емко о ней см. Eisenberger 1979, 90–91; ср. Dugan 2005, 33–34.

²² Taylor 1952, 63; Gruen 1974, 268; Hanchey 2013, 164; Porter 1990, 139–140; Leen 1990, 351; Vretska, Vretska 1979a, 4; ср. Reinach 1890, 17; Bertoni 1992, 79, n. 32. Это оспаривает Э. Нардуччи (Narducci 1999a, 40–42).

²³ Gruen 1974, 266–268. Исследователь говорит о суде над поэтом как о «прицельном выпадении против котерии, которая покровительствовала Архию» (Gruen 1974, 266).

²⁴ Vitelli 1976, 61, n. 15.

группировке²⁵. Защитник Цицерон имел веские причины не афишировать свои подлинные намерения.

Как бы то ни было, мы имеем ценные сведения о далеко идущих планах великого оратора. В речи он говорит: «А для того, чтобы вы, судьи, сделали это (оправдали обвиняемого. — *Н. Б.*) охотнее, я укажу вам на самого себя и признаюсь вам в своем славолубии, быть может, чрезмерном, но все же достойном уважения (*meo quodam amore gloriae nimis acri fortasse verum tamen honesto*). Ведь Архий уже начал описывать стихами деяния, совершенные мной в мое консульство вместе с вами ради спасения нашей державы, а также для защиты жизни граждан и всего государственного строя. Прислушав их, я, так как это показалось мне важным и приятным, поручил ему закончить его работу»²⁶. О хронологии упоминаемых здесь событий высказывались разные предположения. Рейнак считал, что «пылкий грек обещал стихи сверхжадному до хвалы мужу по своей инициативе»²⁷. На наш взгляд, обстоятельства 62 г. допускают три равновозможных варианта: 1) Архий начал писать стихи еще до привлечения к суду; наброски стали дополнительным стимулом взяться за защиту; 2) рассчитывая на помощь братьев Цицеронов, Архий приступил к работе в преддверии процесса, и это окончательно сняло вопрос об участии в нем великого оратора; 3) сам отец отечества выдвинул это условие. Как бы то ни было, выступление с речью перед присяжными можно рассматривать и как стремление связать благодарностью (*quid pro quo*)²⁸, и как своеобразную форму выплаты авторского гонорара²⁹. Нам импонирует точка зрения Э. Несхольм, что речь защитника мыслилась «как посредница в переговорах... предваряя продолжение взаимобмена»³⁰, и прославление поэта должно было находить параллель в ответной поэме. Интересна гипотеза, что стилистика и изобилие похвал в *Pro Archia poeta* «устанавливает для поэта образец, к которому следует стремиться»³¹.

²⁵ Gruen 1974, 267; Vitelli 1976, 61, n. 15; 62. В частности поэтому сочинение Архия датируется годом консульства Цицерона, накануне получения Лукуллом триумфа (Reinach 1890, 17; ср.: Vitelli 1976, 61, n. 15). Л. Лицинию в этом долго отказывали, не без интриг со стороны помпеянцев (Plut. *Luc.* 37; *Cato Min.* 29).

²⁶ Cic. *Arch.* 28: *Nam quas res nos in consulatu nostro vobiscum simul pro salute huiusce imperi et pro vita civium proque universa re publica gessimus, attigit hic versibus atque inchoavit: quibus auditis, quod mihi magna res et iucunda visa est, hunc ad perficiendum adornavi.* Ср. *ibid.* 31.

²⁷ Reinach 1890, 20.

²⁸ Harrer 1928, 73.

²⁹ Как иносказательно выразился Дж. Тэйлор, Цицерон «хотел поддержать поэта в его начинании» (Taylor 1952, 62–63). Часто считается, что поэма являлась одной из главных причин защиты Архия (см. например: Reinach 1890, 20; Netyshil 1912, 21; Eisenberger 1979, 94; Narducci 1999a, 38–39; Vretska, Vretska 1979a, 6). Осторожное сомнение в начале работы Архия над эпосом о консульстве Цицерона высказывает только Нардуччи (Narducci 1999a, 38).

³⁰ Nesholm 2010, 488; ср. Dugan 2001, 37, 48; 2005, 23.

³¹ Dugan 2001, 48; 2005, 23–24, 50.

Att. I. 16. 15 свидетельствует, что в середине 61 г. Цицерон настроен весьма пессимистично и в отсутствие каких-либо иных данных предпочтительнее полагать, что в итоге он так и не обрел желаемого. “Attigit hic versibus atque inchoavi” (*Cic. Arch. 28*) маркирует начало работы. Где, когда, в чьем обществе Цицерон слышал стихи, — неизвестно; во всяком случае, нет сведений о широких публичных чтениях³². Судя по характеристике “magna res”, ожидалась поэма, что согласуется как со спецификой более раннего творчества Архия, так и с тем, что довольно скоро М. Туллий написал самовосхваляющую поэму *De consulatu suo* как минимум в трех книгах (*Cic. Att. II. 3. 4*). Едва ли тщеславный адресат мог удовольствоваться эпиграммами. Предположения о характере поэмы должны основываться на произведенном приятном впечатлении (*res iucunda: Cic. Arch. 28*), в частности, от содержания (сюжетной канвы и трактовки). Из Катилинарий известна оценка Цицероном событий 63 г.: заговор, грозивший уничтожить Рим и всех его жителей, положить конец державе и республиканскому строю³³; в речи высказываются близкие мысли. М. Туллий представляет поэта «человеком, который обещает увековечить славу недавней борьбы с теми опасностями, что внутри государства угрожали мне и вам» (*Cic. Arch. 31; ср. 14*). Свои поступки бывший консул называет «совершенными... вместе с вами (согражданами.— *Н. Б.*) ради спасения нашей державы, а также для защиты жизни граждан и всего государственного строя»³⁴.

Цицерон говорит о даре подзащитного: «Далее, если кто-нибудь думает, что греческие стихи способствуют славе в меньшей степени, чем латинские, то он глубоко заблуждается, так как на греческом языке читают почти во всех странах, а на латинском — в ограниченных, очень тесных пределах³⁵. Поэтому, если деяния, совершенные нами, ограничиваются на земле

³² Иногда вместо “quibus (versibus.— *Н. Б.*) auditis” допускается чтение “de quibus cum audisse” (*Cic. Arch. 28*), т.е. Цицерон узнал о существовании стихов (*Vretska, Vretska 1979b, 178*, соглашаясь с комментариями Дж.С. Райда).

³³ Например, *Cic. Cat. I, passim; II. 1–2; 6; 14–15; 19; 26; III, passim; IV. 2–4; 11–13; 18–22*.

³⁴ *Cic. Arch. 28: vobiscum simul pro salute huiusce imperi et pro vita civium proque universa re publica gessimus*. Было бы ошибочным усматривать здесь осторожную переоценку собственных деяний. В третьей Катилинарии с ее апогеем славословия Цицерон утверждает: «вы, облаченные в тогу, с облаченным в тогу императором во главе, одержали победу (*togati me uno togato duce et imperatore vicistis*)» (*Cic. Cat. III. 23*). Адвокату Архия надо превратить подсудимого в певца свершений римского народа, льстеца Лукуллу — в творца «национального» эпоса (*Cic. Arch. 19; 21; 31*); см. *Murphy 1958, 101; Narducci 1999a, 59–60*. Неслучайна отсылка к Эннию (*Arch. 22*), чье положение при Сципионе иногда сравнивают с положением Архия при Лукулле (*Vitelli 1976, 62*). Цицерон уверяет аудиторию, что индивидуальная и коллективная слава взаимосвязаны (*Arch. 19; 22; 24*): как все римляне выиграли от поэм в честь Лукулла (21; 31), так они выиграют от прославления подвигов Цицерона (31).

³⁵ *Cic. Arch. 23: Nam si quis minorem gloriae fructum putat ex Graecis versibus percipi quam ex Latinis, vehementer errat: propterea quod Graeca leguntur in omnibus fere gentibus, Latina suis finibus, exiguis sane, continentur*.

какими-то пределами, то мы должны желать, чтобы туда, куда копыя, брошенные нашими руками, пожалуй, не долетят, проникла слава и молва (*glogiam famamque*) о нас» (*Cic. Arch.* 23). Ф.А. Петровский защищает оратора от упреков в крайнем эллинофильстве, указывая, что хотя тот «даже готов был иной раз отдать предпочтение латинскому языку... в данном случае ему нужно было как можно больше возвеличить Архия»³⁶. Считаем необходимым подчеркнуть, что слова Цицерона — больше, чем ловкий адвокатский прием; это доказывают последующие действия отца отечества. Изо всех автобиографических трудов *в первую очередь* он напишет греческий вариант «Записок» (*Cic. Att.* I. 19. 11)³⁷. Уместно вспомнить творчество Феофана Митиленского, прославившего Помпея на языке эллинов (*Cic. Arch.* 24)³⁸, да и Архий сочинил в честь Лукулла «поэму на греческом языке» (*Cic. Att.* I. 16. 15). То, что у Цицерона имелись возможности распространить некий труд в Восточном Средиземноморье, показывает обращение к Аттику с просьбой позаботиться, «чтобы книга (имеются в виду «Записки». — *Н. Б.*) была в Афинах и в прочих городах Греции», так как «она может придать нашим делам некоторый блеск (*posse aliquid nostris rebus lucis adferre*)»³⁹ (*Att.* II. 1. 2).

Однако законченной поэмы адресат не дождался. Архий заподозрен в переориентации на Цецилиеву драму, т.е. «героическую поэму... в честь некоего Метелла»⁴⁰. Данное объяснение, как правило, принимается⁴¹; в свете политической ситуации 61 г. подозрения Цицерона выглядят оправданными. Близилось возвращение Помпея, которому усилиями многочисленных сторонников готовилось главенствующее положение в республике. Претензии Помпея подкреплялись в числе прочего сочинениями Феофана. Поэзия Архия (вне зависимости от дополнительно преследуемых целей) делалась составной частью контрпропаганды, и иногда проводится параллель между творчеством обоих греков⁴².

Судя по словам Цицерона, его подзащитный исчерпал наиболее благодарную тему, описав *всю* (*totum*) Митридатovu войну (*Arch.* 21)⁴³. Кимврская

³⁶ Petrovskiy 1958, 47.

³⁷ Ср. подчеркивание обстоятельства, что Цицерон сперва создал «Записки» «на языке, который был *тогда* (здесь и далее курсив Зихлера. — *Н. Б.*) языком мировой славы, *до того*, как написал свои латинские воспоминания» (Sichler 1915, 35), а также специальную оговорку Нардуччи (Narducci 1999a, 59, n. 57).

³⁸ См. *FGrH* 188. О Феофане см. Laqueur 1934; Gold 1985. По масштабу личности тот, кого Страбон с полным правом характеризует и как историка (συγγραφεύς), и как государственного человека (πολιτικός ἀνὴρ) (Strab. XIII. 2. 3), несопоставим с Архием.

³⁹ Наш перевод.

⁴⁰ Reinach 1890, 45.

⁴¹ Едва ли не единственным исключением стал Рейнак, предположивший, что отсутствие упоминаний об Архии в дальнейшем свидетельствует скорее о его смерти (Reinach 1890, 22–23; ср. 45). Мнение, что Архий «сконцентрировал свои усилия на написании поэмы о своих патронах Лукуллах» (Vishnia 1996, 143, n. 30) не совсем верно.

⁴² Reinach 1890, 47.

⁴³ Это согласуется с точкой зрения, что преимущественно описывалась кампания под предводительством Лукулла, и «поэма Архия была не столько Митридатова,

кампания была прославлена раньше; даже если Архий не довел поэму до конца, события 102 г. отстояли слишком далеко во времени. Можно было обратиться к подвигам Метеллов — Нумидийского, Пия⁴⁴, Целера или Критского. Фигура первого открывала возможность злободневных аллюзий: война с царем, врагом римского имени, устроителем резни граждан и союзников; несправедливость отстранения от военных действий (с напрашивающимся сопоставлением с преемниками); блистательная встреча в Риме как проявление политической мудрости народа. Против этой гипотезы говорит наблюдение, что Архий никогда не писал об усопших⁴⁵. Характер его поэзии обуславливал выбор тех, кто готов щедро платить при жизни⁴⁶. Для ныне здравствующего Помпея требовалось отыскать соответствующего соперника. Таковым мог выступить Метелл Критский, о котором Саллюстий говорит, что накануне заговора Катилины тот находился близ Города в ожидании триумфа (Sall. *Cat.* 30. 3–4). Метелл был во враждебных отношениях с Помпеем из-за инцидента в 67 г. на Крите (Plut. *Pomp.* 29; Vell. II. 40. 5; Dio Cass. XXXVI. 19); в 61–60 гг. он препятствовал утверждению распоряжений, сделанных Помпеем на Востоке (Vell. II 40. 5; Flor. II 13, 9), поддерживая Лукулла⁴⁷. Заманчиво провести параллели между поэмой в честь Л. Лициния, предположительно написанной накануне его триумфа, и Цицилиевой драмой, усматривая в обоих сочинениях инструмент политической борьбы.

Необязательно считать Цицерона жертвой интриг со стороны ревнивых к славе оптиматов, в частности враждебного Метелла Непота. Необязательно также видеть в «измене» Архия симптом изменившихся отношений с лидерами сената⁴⁸. По мнению Вителли, работа над поэмой в честь Цицерона была санкционирована олигархией; само представление услуг «придворного поэта» демонстрировало новый статус победителя Катилины. Почувствовав изменившееся настроение покровителей, Архий решил отложить работу над поэмой⁴⁹. Все могло быть проще: поэт получил от патронов новый срочный заказ.

сколько Лукуллова» (Reinach 1890, 46–47).

⁴⁴ Reinach 1890, 45 со ссылкой на высказывавшиеся в его время догадки и засвидетельствованную благосклонность Пия к кордубским поэтам.

⁴⁵ Reinach 1890, 45.

⁴⁶ Рейнак считал, что Архий забросил работу над «Кимврикой», когда положение Мария пошатнулось (Reinach 1890, 41); однако это не единственно возможное объяснение.

⁴⁷ Метеллу было приказано прекратить военные действия на Крите. Плутарх осуждает поступок Помпея, говоря, что тот защищал общих врагов (τῶν κοινῶν πολεμίων), «чтобы лишить триумфа полководца, затратившего много труда (τὸν θρίαμβον ἀφελῆσαι στρατηγῶῦ πολλὰ πειονηκότος)» для борьбы с пиратами (Plut. *Pomp.* 29). Веллей Патеркул полагает, что Метелл имел право обижаться, поскольку «Помпей забрал в качестве украшения своего триумфа взятых в плен вождей (ornamentum triumphi eius captivos duces Pompeius subduxerat)» (Vell. II. 40. 5; ср. Dio Cass. XXXVI. 19). Таким образом, военно-политический аспект соперничества был очень силен.

⁴⁸ Vitelli 1976, 62–63.

⁴⁹ Vitelli 1976, 62–63; ср. Dugan 2005, 44.

Поведение подзащитного сопоставляется с «отступничеством» другого грека: «И Фиилл покинул меня, и Архий ничего не написал» (Cic. *Att.* I. 16. 15). Создается впечатление, что первый был теснее связан с Цицероном или на него возлагались большие надежды. Это согласуется с наблюдением, что в переписке оратора Архий больше не упомянут, тогда как с Фииллом мы встречаемся дважды при весьма любопытных обстоятельствах.

Весной 67 г. кандидат в преторы Цицерон пишет Аттику в Афины: «Фиилл просит у тебя старины Эвмолпидов. Присоединяюсь к его просьбе»⁵⁰. Речь идет о вековых священнодействиях, отчете культуре Эвмолпидов. Судя по тексту письма, просьба исходит прежде всего от Фиилла; его отношения с двумя влиятельными римлянами позволяют через посредство одного обращаться за услугой к другому, находящемуся за много миль от Италии. Осмелимся предположить, что Фиилл делил с Цицероном и Аттиком антикварные изыскания. Предмет просьбы не имеет ничего общего с политикой. Письмо создает впечатление круга интеллектуалов, не скупящихся в тратах на статуи, гермы и «все, достойное Академии» (*Att.* I. 9. 2), умиротворенно беседующих о древностях Эллады. Следующее письмо с упоминанием Фиилла совсем иного содержания.

1 января 61 г. консуляр Цицерон уведомляет друга: «Есть у меня вольноотпущенник, подлинный негодяй — я имею в виду Гилара; он счетовод и твой клиент. Переводчик Валерий извещает меня о нем, а Фиилл пишет, что слышал о Гиларе как о своем человеке у Антония, и что Антоний, со своей стороны, часто упоминает, что собирая деньги, предусматривает мою долю» (Cic. *Att.* I. 12. 2)⁵¹. Причины гнева понятны, если учесть специфику взаимоотношений с бывшим коллегой по консульству. В предвыборной «Речи в белой тоге» тот изображен самым неприглядным образом (Ascon. *In toga cand.* 44; 88–89; 94 Stangl); «Краткое руководство по соисканию» рисует Г. Антония Гибриду почти столь же одиозной личностью, как Катилина ([Q. Cic.] *Comm. pet.* 8). После победы на выборах М. Туллий заключил со вторым консулом соглашение, отказавшись в его пользу от управления богатой провинцией Македонией. Великий оратор и дружественная ему традиция преподносили это как акт бескорыстной преданности согражданам, ведь в результате Антоний порвал с заговорщиками (Cic. *Phil.* XI. 23; Plut. *Cic.* 12; ср. Cic. *Cat.* III. 14; *Leg. agr.* II. 103; Sall. *Cat.* 26. 4). Будучи ограничены рамками статьи, мы можем лишь заметить, что действительность была сложнее и что репутация Цицерона серьезно страдала от слов Антония⁵².

⁵⁰ Cic. *Att.* I. 9. 2: Thyillus te rogat et ego eius rogatu Εὐμόλπιδῶν πάτρια. Эти слова В.О. Горенштейн комментирует так: «Фиилл просит прислать ему материалы, касающиеся элевсинских мистерий: “старина Эвмолпидов” — древние предания, связанные с элевсинским культом» (Цицерон, Марк Туллий. *Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту*. Т. 1. М., 1994. С. 415).

⁵¹ Перевод В.О. Горенштейна в нашей редакции.

⁵² Если подозрения в адрес Цицерона верны, судебный процесс Антония становился отражением в кривом зеркале суда над Верресом. Сицилийский наместник цинично собирал деньги для своих покровителей и защитников в Риме (Cic. *2 Verr.* II. 40);

Беззаветная любовь к отчизне, готовность защищать ее, пренебрегая материальными выгодами, приобретала черты политической сделки, на которую к тому же бросало тень поведение наместника Македонии⁵³.

В 61 г. Фиилл действовал в интересах Цицерона; больше ничего неизвестно. Т.П. Вайзман высказал предположение, что этот человек и некий Филл из Тарента⁵⁴ — одно лицо, но права Э. Роусон, заметившая: “neat, but uncertain”⁵⁵. Нет ясности в социальном статусе; Рейнак причисляет Фиилла к клиентам Цицерона (*poetas in sua clientela positos*), подобно М. Туллию Лаврее (*Anth. Pal. VII. 17; 294; XII. 24*)⁵⁶, с чем соглашается Дж. Дьюган, для которого важны близость интересов и общность досуга⁵⁷. На наш взгляд, этого недостаточно, чтобы видеть в Фиилле вольноотпущенника великого оратора.

Какие именно надежды не осуществились? Хотя порой Фиилла называют историком⁵⁸, преобладает мнение о нем как о поэте⁵⁹. Аргументы косвенные: с Архием Фиилла может роднить тема, но не жанр⁶⁰; Цицерон не говорит, что «старина Эвмолпидов» нужна как «рабочий материал» для чего-либо. Решающим соображением становится наличие в Палатинской антологии эпиграмм под именем Фиилла⁶¹. Вопреки закрепившейся репутации «сочинителя эпиграмм (*Epigrammendichter*)»⁶² мы склоняемся к гипотезе о работе над поэмой в честь Цицерона. Суждение потомков напрямую зависит от сохранности творчества: будь утрачена речь «В защиту Архия», эпик

Антоний делился с бывшим коллегой — и в благодарность, и в расчете на защиту по возвращении. Даже если подобное не оговаривалось заранее, логика событий вынуждала Цицерона защищать контрагента. И уж конечно с самого начала у отца отечества не было иллюзий насчет печальной судьбы провинциалов.

⁵³ О суде *de repetundis* над Г. Антонием см. Gruen 1973; Khrustalev 2012.

⁵⁴ Wiseman 1974, 141–146. Он обратил внимание на *Plut. Cic. 29*, где упомянут некий Тулл, один из близких друзей (ἑταῖρος μὲν ἦν καὶ συνήθης) Цицерона, оказывавший услуги Клодии, но давший показания против ее брата.

⁵⁵ Rawson 1977, 351, n. 74.

⁵⁶ Reinach 1890, 44. О его творчестве см. *Plin. NH. XXXI. 7–8*.

⁵⁷ Dugan 2001, 53.

⁵⁸ Puelma 2000, 41.

⁵⁹ Wiseman 1974; Geffcken 1936, 692; Pausch 2004, 307; Rawson 1977, 351, n. 74.

⁶⁰ Ср. Knox 2011, 198.

⁶¹ Идентичность двух Фииллов отстаивал М. Хаупт, указывая, что эпиграмма *Anth. Pal. VII. 223* помечена как Θυῖλλου, X. 5 — Θυῖλου, VI. 170 — Θυηλάου (исправлено на Θυῖλλου) (Haupt 1869, 207). В Планудовой антологии эпиграмма X. 5 помечена Σατύρου Θυῖλλου, т.е. как принадлежащая одному из этих авторов. Соглашаясь с издателем Палатинской антологии, Хаупт подчеркивал, что ономастикон Фиилл уникален, больше нигде не встречается, и что «было бы удивительно, если существовали два греческих поэта, носивших столь редкое имя» (Haupt 1869, 207).

⁶² Geffcken 1936, 692; ср. Pausch 2004, 307; Rawson 1977, 351, n. 74. При сравнении талантов следует соблюдать осторожность в оценках. Дарование Фиилла оценивается более низко, чем Архия (Susemihl 1892, 559–560; Reinach 1890, 44). В лучшем случае допустимо говорить об известности и о репутации поэтов.

тоже считался бы автором лишь коротких стихов. Если принять версию, что Εὐμολλίδῳ πάτρια просили для поэтической обработки, интересы Фиилла лучше сочетаются с эпосом; да и главный герой жаждал прославления в наиболее величественной форме.

Для понимания целей, которые ставил перед собой оратор, бесценно письмо от 15 марта 60 г., где говорится о самой важной по последствиям неудаче. Оно позволяет понять масштаб задуманной кампании, а также проливает свет на специфику сотворчества персонажа и искомых авторов. Когда надежды на Фиилла и Архия угасли, Цицерон уведомляет Аттика, что послал ему записки о своем консульстве, написанные по-гречески (*commentarium consulatus mei Graece compositum: Att. II. 1. 1*). И не без досады добавляет: «Впрочем, Посидоний уже написал мне с Родоса, что чтение этих моих воспоминаний, которые я послал ему для того, чтобы он написал о тех же событиях более красноречиво⁶³, не только не побудило его к писанию, но даже совсем устрасило»⁶⁴.

Итак, Цицерон хотел, чтобы о его «звездном часе» написал Посидоний Родосский, один из выдающихся мыслителей I в., активный участник римско-эллинического культурного и политического диалога. Философ приезжал в Италию в качестве посла к Марию (*Plut. Mar. 45*); его школу на Родосе посещали представители римской элиты; прослеживаются тесные связи мыслителя со многими влиятельными людьми⁶⁵. В трактате «О природе богов» философ характеризуется участником диалога Коттой, как «всем нам хорошо знакомый (*familiaris omnium nostrum*)» (*Cic. Nat. deor. I. 123*). Помпей встречался с Посидонием в 66 и 62 г. (*Strab. XI. 1. 6; Plut. Pomp. 42; Cic. Tusc. II. 61*), причем Страбон называет родосца другом (φίλος) римского военачальника (*Strab. XI. 1. 6*). Цицерон также лично знал философа, в трактатах 40-х годов о нем говорится как о друге (*Cic. Fin. I. 6; Nat. deor. I. 123; ср. Tusc. II. 61; Div. I. 6*) и учителе (*Nat. deor. I. 6; ср. Plut. Cic. 4*).

Посидоний был автором не только «Истории» в 52 книгах, но и некоего сочинения о Помпее (*Strab. XI. 1. 6*)⁶⁶. В точности неизвестно, ни когда оно было написано⁶⁷, ни какие события там затронуты. Выдвигалась гипотеза, что Страбон имел в виду посвященную Помпею часть «Истории»⁶⁸. Как

⁶³ О смысле, который Цицерон вкладывал в это определение, см. Dugan 2005, 48–53.

⁶⁴ *Cic. Att. II. 1. 2: quamquam ad me rescripsit iam Rhodo Posidonius se, nostrum illud ὑπόμνημα cum legeret, quod ego ad eum ut ornatius de isdem rebus scriberet miseram, non modo non excitatum esse ad scribendum sed etiam plane deterritum.* Перевод В.О. Горенштейна в нашей редакции.

⁶⁵ Steel 2001, 129; Strasburger 1965, 40–41.

⁶⁶ Фрагменты трудов Посидония и свидетельства о них древних авторов см. *FGrH 87*.

⁶⁷ Непонятно, почему Х. Штрасбургер пишет о желании Цицерона увидеть подавление заговора Катилины, «которое он считал равным свершениям Помпея на Востоке, прославленным в том же самом ключе тем же самым автором» (*Strasburger 1965, 53*).

⁶⁸ Такую возможность не исключает, в частности, Штрасбургер (*Strasburger 1965, 44*). Предположения о временных рамках главного труда Посидония делаются на основании косвенных и обрывочных сведений. Считается, что Посидоний довел «Историю»

бы то ни было, интерес Посидония питался не только личными симпатиями: борьба с пиратами и война с Митридатом разворачивались в Восточном Средиземноморье; одним из последствий побед Помпея было изменение политической карты эллинистического мира. Если Архия обязывала благодарностью за защиту в суде, а Фиилл рассчитывал на материальную выгоду, Посидоний был полностью независим от Цицерона. В отказе последнему иногда видят доказательство независимости Посидония от Рима вообще⁶⁹. Мы бы не стали так обобщать, поскольку в 60 г. М. Туллий не принадлежал к политикам первого ранга, тем, кто определял действия Римской республики на Востоке.

С точки зрения Цицерона, у обращения к Посидонию имелись хорошие шансы на успех. Консул 63 г. превзошел заслугами всех военачальников, в том числе ныне здравствующих (*Cic. Cat.* III. 23; 26; IV. 21; *Plut. Cic.* 22; ср. *Cic. Cat.* III. 2; 15), спас великую державу — и ее территориальную целостность, и политический строй. Заговор Катилины не был событием исключительно римской истории: к нему оказались причастны галлы, а в речах Цицерона проскальзывает мысль о чуть ли не вселенском характере катастрофы (*Cic. Cat.* I. 3; 9; IV. 6). Чтобы понять ход мыслей великого оратора, необходимо привлечь его переписку за 53 г. Персонаж снова ищет авторов; Цицерон уговаривает М. Лукцея обратиться к событиям десятилетней давности: «Ты сможешь при этом использовать свое знание перемен в общественной жизни как при объяснении причин государственных переворотов, так и при указании средств для исцеления от недугов, порицая то, что ты найдешь заслуживающим осуждения, и одобряя, с изложением своих взглядов, то, что будет нравиться»⁷⁰. Аналогичным образом Посидоний мог соблазниться возможностью выступить в качестве политолога и моралиста⁷¹.

Мы поддерживаем гипотезу, согласно которой Цицерон просил об отдельном сочинении⁷². В ее пользу, помимо аргументации *ex persona*, свидетельствует еще одно место из письма Лукцею: «Так как я видел, что ты уже почти закончил историю (*historiam*) италийской и гражданской войны, и ты сказал

как минимум до 86 г. (Steel 2001, 154; ср. Strasburger 1965, 42). Относительно войны с пиратами существуют разные мнения: от допущения (Strasburger 1965, 42–43) до отрицания (Pelling 2007, 252). Штрасбургер, поддерживая вслед за К. Рейнхардтом гипотезу, что сведения Страбона об иудеях восходят к Посидонию, допускал, что эта информация содержалась как в «Истории», так и в сочинении о Помпее, взявшем Иерусалим в 63 г. (Strasburger 1965, 44). Л. Ярроу расширяет временные границы до 51 г. (Yarrow 2006, 87).

⁶⁹ Allen, Delacy 1939, 62. Ср. Nock 1959, 1. Для Хр. Пеллинга факт обращения Цицерона к Посидонию служит свидетельством того, что республиканская элита не рассматривала философа как пишущего антиримскую историю (Pelling 2007, 252).

⁷⁰ *Cic. Fam.* V. 12. 4: *In quo et illa poteris uti civilium commutationum scientia vel in explicandis causis rerum novarum vel in remediis incommodorum, cum et reprehendes ea, quae vituperanda duces, et, quae placebunt, exponendis rationibus comprobabis.*

⁷¹ Дьюган проводит параллель между обращением Цицерона к Архии и к Лукцею (Dugan 2005, 24, 48–50), тогда как гораздо ближе аналогия с Посидонием.

⁷² van der Blom 2010, 299–300; Yarrow 2006, 87; Kidd 1999, 5.

мне, что приступаешь к остальному, то я не преминул напомнить тебе, чтобы ты подумал о том, лучше ли будет описать мою деятельность вместе с прочими событиями (*coniunctene malles cum reliquis rebus nostra contexere*) или же отделить заговор граждан от войн с внешними врагами, как сделали многие греки... Ввиду моего нетерпения до некоторой степени важно, чтобы ты не ждал, пока дойдешь до соответствующего места, и тотчас же приступил к описанию всего этого дела и времени; вместе с тем, если ты всецело сосредоточишься на одном предмете и на одном лице (*uno in argumento unaque in persona*), то я уже представляю себе, насколько богаче и красочнее (*ornatioa*) будет весь рассказ» (*Cic. Fam. V. 12. 2*). «Красочность» — то, о чем Цицерон просил у родосца, «сосредоточенность на одном лице» заставляет вспомнить «О своем консульстве»; наконец, нетерпение подтверждается дальнейшими действиями.

Однако М. Туллий не до конца искренен даже в переписке с Аттиком. Посидоний, пусть и получив материал из первых рук, не мог соперничать с консулом 63 г. в достоверности. А в красочности описания? Цицерон высоко ценил свое автобиографическое сочинение, утверждая, что «этому греческому грек завидует (*invidere*)» (*Cic. Att. I. 20. 6*); что оно использовало «весь сосуд Исократа с благовонным маслом и все ящички его учеников, а также немало Аристотелевых красок⁷³». П. Мерфи поясняет: «содержащее множество эпидейктических элементов, включая некоторые заимствования из трагедии»⁷⁴. Плутарх передает легенду, что Аполлоний, сын Молона, опечалился, услышав произнесенную по-гречески (*sic!*) речь Цицерона: ведь и в ораторском искусстве Рим превзошел Элладу (*Plut. Cic. 4*). Эпизод, вероятно, вымышленный, но хорошо согласующийся с *Att. I. 20. 6*. Едва ли М. Туллий считал, что кто-то сможет рассказать о его деяниях красочнее. Выскажем мнение, что главную ценность представляло имя Посидония⁷⁵. Своим авторитетом он должен был санкционировать официальную версию событий, а кроме того, способствовать распространению славы (ср. *Cic. Arch. 23*). Как писал Цицерон Лукцею, «мне будет уделена не только часть твоего дарования, как Тимолеону Тимеем или Фемистоклу Геродотом, но также авторитет самого славного и самого видного человека, известного по величайшим и важнейшим государственным деяниям и снискавшего одобрение вместе с лучшими людьми» (*Cic. Fam. V. 5. 12. 7*). Имя родосского мудреца было способно привлечь многих читателей. Дж. Филлипс скептически относится к распространению Аттиком «Записок» в Греции.

⁷³ *Cic. Att. II. 1. 11: totum Isocrati myrothecium atque omnes eius discipulorum arculas ac non nihil etiam Aristotelia pigmenta.*

⁷⁴ Murphy 1958, 99, с отсылкой к статье Б. Ульмана, где анализируется различие взглядов Аристотеля и Исократа на историописание (Ullman 1942, 27–30). Нами уже отмечалось, что черты драмы носит поэма Цицерона *De temporibus suis* с близким сюжетом (Vugaeva 2008, 110–112).

⁷⁵ Ярроу видит в обращении Цицерона к Посидонию подтверждение высокой оценки исторических трудов последнего (Yarrow 2006, 87; ср. Strasburger 1965, 53; Kidd 1999, 5) и его авторитета в Риме (Yarrow 2006, 345).

Он считает, что Т. Помпоний осознавал, сколь мала аудитория у панегирика Цицерона самому себе, и, вероятно, послал несколько копий друзьям, побуждая их, в свою очередь, познакомить с сочинением близких. При наличии спроса собственно книготорговцы могли подключиться позже⁷⁶. Эта гипотеза правдоподобна; мы не должны преувеличивать возможности Аттика. Читательский круг расширился бы, если событиям в Риме был посвящен труд выдающегося мыслителя, вписавшего их в широкий контекст.

М. Туллий неоднократно признается, что мечтает о бессмертной славе. В речи «В защиту Архия» он говорит, что «память о нашем имени... должна жить во всех последующих поколениях (*commemorationem nominis nostri... cum omni posteritate adaequandam*)» (Cic. *Arch.* 29); считает свои деяния, память о которых сохранится навеки (*memoriam sempiternam*), «семенами доблести, рассыпающимися по всему миру (*in orbis terrae*)», (*Arch.* 30; ср. *Fam.* V. 12. 6–9). Став героем сочинения Посидония, Цицерон разделит бы его судьбу. Труд одного великого человека о другом обязан был пережить века.

Примечательна хронология: Цицерон сначала сам пишет «Записки» (хотя бы в черновом варианте), а потом обращается к Посидонию. Автору следовало писать согласно пожеланиям персонажа, в то же время подвергаясь суду взыскательных читателей. Даже если философ соглашался с фактами и оценкой событий, ему мог претить ожидаемый панегирический тон. Иного главное действующее лицо просто не допускало: в письме от 15 марта 60 г. Цицерон обещает Аттику вскоре завершить латинские «Записки» и прислать поэму, «чтобы никакой род моего восхваления мной самим не упускался (*ne quod genus a me ipso laudis meae praetermittatur*)» (Cic. *Att.* I. 19. 10). Письмо к Лукцею также проникнуто горячим желанием быть прославленным (Cic. *Fam.* V. 12. 1–2; 6–9). Посидоний, на наш взгляд, не захотел делаться составной частью пропагандистской кампании М. Туллия. Ярроу полагает, что родосец устранился от участия в дискуссии по вопросу сугубо внутренней политики Рима⁷⁷; мы считаем это соображение второстепенным. Как бы то ни было, формулировка отказа (Cic. *Att.* II. 1. 2) безукоризненна, льстит самолюбию респондента. Понял ли он, что если Посидоний и испытывал страх, то совсем другого рода?⁷⁸

Штрасбургер выдвинул интересную гипотезу, что в трактате Цицерона «Об обязанностях» звучит намек на ответ с Родоса. Внимание исследователя привлекла фраза: «К этому присоединяется веское свидетельство Посидония, указывающего в одном из своих писем, что Публий Рутилий Руф,

⁷⁶ Phillips 1986, 229–230; ср. Narducci 1999b, 11.

⁷⁷ Yarrow 2006, 345.

⁷⁸ Существует мнение, что «Посидоний тактично отказался с оттенком иронии, который Цицерон, возможно, не сумел понять» (Vishnia 1996, 143, n. 30). Имеется лишь свидетельство великого оратора, несколько заостряющее суть ответа. Сомнительно, чтобы Посидоний позволил себе показаться ироничным, хотя, с другой стороны, не покидает ощущение натянутости предложения. Вряд ли стоит усматривать в дипломатичной формулировке отказа признак очень хорошего знакомства с римским истеблишментом (Pelling 2007, 252).

бывший учеником Панетия, говаривал, что подобно тому, как еще не нашлось живописца, который смог бы закончить ту часть изображения Венеры Косской, которую Апеллес оставил только начатой (ведь красота ее лица не позволяла надеяться, что удастся передать таким же образом красоту других частей ее тела), так того, что Панетий пропустил и чего он не завершил... не продолжил никто» (Cic. *Off.* III. 10). Штрасбургер считал, что упомянутое здесь письмо — то самое, про которое рассказывается Атику, и Посидоний сравнивал незаконченные «Записки» Цицерона с Афродитой Апеллеса, которую нельзя сделать совершеннее⁷⁹. В качестве косвенного довода приводится то, что впоследствии Цицерон часто обращался к примеру Афродиты Косской (Cic. *Att.* II. 21. 4; *Fam.* I. 9. 15; *Orat.* 5; *Nat. deor.* I. 75; *Div.* I. 23)⁸⁰. Если Штрасбургер прав, нельзя сказать, чтобы великий оратор не оценил по достоинству похвалу Посидония⁸¹.

Нами рассмотрены все сведения о попытках Цицерона в конце 60-х годов способствовать прославлению своих *res gestae*. Хотя дошедшая информация далеко не полная, она позволяет сделать важные выводы. Задумывалась широкая кампания, которая диктовалась не только и не сколько политической целесообразностью⁸². Начало, положенное произведением на греческом языке («Записки»), забота об их распространении в Элладе, декларация бессмертной славы свидетельствуют, что *homo novus* стремился сделать ее достоянием образованной части ойкумены, пожать плоды еще при жизни и передать свое имя вечности⁸³. В письме Лукцию Цицерон высказался с предельной откровенностью: «Меня увлекают не только упоминание моего имени потомством и надежда на бессмертие (*commemoratio posteritatis ad spem quandam immortalitatis*), но и желание еще при жизни наслаждаться твоим авторитетным свидетельством или проявлением благосклонности, или очарованием твоего ума (*auctoritate testimonii tui vel indicio benevolentiae vel suavitate ingenii*)» (Cic. *Fam.* V. 12. 1; ср. 9). Это же могло быть сказано десятью годами раньше. Хорошо прослеживается способ, к которому прибегает М. Туллий: он обращается к людям, известным в греческом мире, чьи

⁷⁹ Strasburger 1965, 53. С тем, что письмо было адресовано Цицерону, соглашаются Кидд, помещая его в соответствующем разделе своего издания Посидония (Kidd 1999, 141), и с некоторой оговоркой Ярроу (Yarrow 2006, 154).

⁸⁰ Strasburger 1965, 53, n. 97.

⁸¹ Usher 1985, 138.

⁸² Более распространено дружественное Цицерону мнение о вынужденном написании им комплекса самовосхваляющих трудов (см., например: Knox 2011, 200–201; van der Blom 2010, 299–300; Yarrow 2006, 345). Так, Г. ван дер Блом, называя активность отца отечества и обращение к трем грекам «маркетинговой кампанией в собственных интересах (*marketing campaign on his own behalf*)» (van der Blom 2010, 299), видит в ней исключительно средство защиты от критики популяров.

⁸³ Ср. замечание Д. Поттера, что в случаях с Цицероном и Помпеем налицо желание «образованного римлянина увековечить себя в труде греческого интеллектуала» (Potter 2011, 317). Притязания М. Туллия на бессмертие — предмет отдельного большого исследования; см. Cole 2013.

сочинения могли воздействовать или даже формировать общественное мнение⁸⁴. При этом сам отец отечества определял, в каком свете предстанет перед современниками. Наиболее показательна ситуация с Посидонием, которому предложили присоединиться к развитию темы, во многом предопределив характер будущего сочинения.

Итоги кампании можно подвести вместе с Цицероном, процитировав письмо к Аттику: «Я смутил греческий народ (conturbavi Graecam nationem). И те, кто обычно подступали ко мне с просьбой, чтобы я дал им что-нибудь, что они могли бы украсить (ut darem sibi quod ornarent), уже перестали докучать мне» (Cic. Att. II. 1. 2; ср. I. 20. 6). Вероятно, подразумевались люди, подобные Архию и Фииллу. После их «отпадения» оставалось полагаться на себя и на лучшего друга. В конце 60-х годов М. Туллий выпускает два варианта «Записок» и поэму *De consulatu suo*, а Т. Помпоний пишет сочинение о консульстве Цицерона (Cic. Att. II. 1. 1; Nep. Att. 18).

В заключение вернемся к тому, с чего мы начали: надписям в Амальтее. По свидетельству Корнелия Непота, Атик воспел «в стихах (versibus) граждан, превзошедших всех прочих римлян высокими званиями и величием подвигов (honore rerumque gestarum amplitudine... praestiterunt), излагая под изображением каждого деяния и должности не более чем в 4–5 строках»⁸⁵ (Nep. Att. 18). В контексте письма Cic. Att. I. 16. 15 оправдано предположить, что самолюбию Цицерона польстило то, что относилось к нему — спасителю Рима, затмившему заслугами предшественников.

Литература / References

- Allen, W. Jr., Delacy, Ph.H. 1939: The patrons of Philodemus. *Classical Philology* 34, 59–65.
- Bellemore, J. 2002: The date of the Pro Archia. *Antichthon* 36, 41–53.
- Bertonati, G. 1992: Note. In: E. Narducci (ed.), *Cicerone Marco Tullio. Il poeta Archia*. Milano, 68–109.
- Blom van der, H. 2010: *Cicero's Role Models. The Political Strategy of a Newcomer*. New York.
- Bodson, L. 1975: Archias et la cigale (A. P., VII, 213). *L'Antiquité Classique* 44, 632–637.
- Bugaeva, N.V. 2008: [“De temporibus suis”: the lost poem of Cicero]. In: *Antiquitas iuventae. Sbornik nauchnykh statey studentov i aspirantov [Antiquitas iuventae. Collected Articles of Students and Postgraduate Students]*. Saratov, 98–112.
- Бугаева, Н.В. 2008: «De temporibus suis»: утраченная поэма Цицерона. В сб.: *Antiquitas iuventae. Сборник научных трудов студентов и аспирантов*. Саратов, 98–112.
- Bugaeva, N.V. 2017: [Political aspect of Cicero's Pro Archia]. In: *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovania [Historical Journal: Scientific Researches]* 4, 56–66.
- Бугаева, Н.В. 2017: Политический аспект речи Цицерона «За Архия». *Исторический журнал: научные исследования* 4, 56–66.
- Clarke, M.L. 1968: Cicero at school. *Greece & Rome* 15, 18–22.

⁸⁴ Цицерон подчеркивает громкую славу своего подзащитного в Азии, Греции и на юге Италии (Cic. Arch. 3; 5). Видимо, права Ло, указывающая как на необходимость корректировки слов Цицерона, так и на подлинную известность Архия и его репутацию как римского эпика (Law 1936, 229). Оратор учитывал также покровительство Лукуллов и мог надеяться на их помощь в распространении поэмы (ср. Cic. Att. II. 1. 2).

⁸⁵ Перевод Н.Н. Трухиной.

- Clarke, M.L. 1978: Poets and patrons at Rome. *Greece & Rome* 25, 46–54.
- Cole, Sp. 2013: *Cicero and the Rise of Deification at Rome*. Cambridge.
- Dugan, J. 2001: How to make (and break) a Cicero: *epideixis*, textuality, and self-fashioning in the *Pro Archia* and *In Pisonem*. *Classical Antiquity* 20, 35–77.
- Dugan, J. 2005: *Making a New Man: Ciceronian Self-Fashioning in the Rhetorical Works*. Oxford.
- Egan, R.B. 1998: Archias, Meleager, Tymnes: dead birds in context. *Rheinisches Museum für Philologie* 141, 24–30.
- Eisenberger, H. 1979: Die Funktion des zweiten Hauptteils von Ciceros Rede für den Dichter Archias. *Wiener Studien* 92, 88–98.
- Geffcken, J. 1936: Thyillos. In: *RE*. II. R. Hlbd 11, 692.
- Giangrande, G. 1975: Fifteen Hellenistic epigrams. *Journal of Hellenic Studies* 95, 31–44.
- Gold, B.K. 1985: Pompey and Theophanes of Mytilene. *American Journal of Philology* 106, 312–327.
- Grabar-Passek, M.E. 1959: [Cicero] In: S.I. Sobolevskiy (ed.), *Istoria rimskoy literatury [History of the Roman Literature]*. Vol. 2. Moscow, 178–233.
- Грабарь-Пасек, М.Е. 1959: Цицерон. В кн.: С.И. Соболевский (ред.), *История римской литературы*. Т. 2. М., 178–233.
- Gruen, E.S. 1973: The trial of C. Antonius. *Latomus* 32, 301–310.
- Gruen, E.S. 1974: *The Last Generation of Roman Republic*. Berkeley.
- Hanchey, D. 2013: Typically unique: shared strategies in Cicero's *Pro Archia* and *Pro Balbo*. *Classical Journal* 108, 159–186.
- Harrer, G.A. 1928: Some verses of Cicero. *Studies in Philology* 25, 70–91.
- Haupt, M. 1869: Analecta. *Hermes* 3, 205–229.
- Hose, M. 1995: Cicero als Hellenistischer Epiker. *Hermes* 123, 455–469.
- Husband, R.W. 1914: The prosecution of Archias. *Classical Journal* 9, 165–171.
- Khrustalev, V.K. 2012: [On the issue of the trial on C. Antonius Hybrida, proconsul of Macedonia in 59 B.C.]. *Problemy istorii, filologii i kultury [Problems of History, Philology and Culture]* 1, 49–61.
- Хрусталеv, В.К. 2012: К вопросу о суде над проконсулом Македонии Гаем Антонием Гибридой в 59 г. до н.э. *ПИФК* 1, 49–61.
- Kidd, I.G. 1999: Introduction. In: I.G. Kidd (ed.), *Posidonius. Vol. III. The Translation of the Fragments*, 1–28.
- Knox, P.E. 2011: Cicero as a Hellenistic poet. *Classical Quarterly* 61, 192–204.
- Laqueur, R. 1934: Theophanes. In: *RE*. II. R. Hlbd 10, 2090–2127.
- Law, H.H. 1936: The poems of Archias in the Greek Anthology. *Classical Philology* 31, 225–243.
- Lawton, W.C. 1900: Coward and patriot. *Sewanee Review* 8, 257–278.
- Leen, A. 1990: Teaching two speeches of Cicero. *Classical Journal* 85, 350–356.
- Mitchell, Th.N. 1979: *Cicero. The Ascending Years*. New Haven–London.
- Modestov, V.I. 1888: *Lektsii po istorii rimskoy literatury [Lectures on History of the Roman Literature]*. Saint Petersburg.
- Модестов, В.И. 1888: *Лекции по истории римской литературы*. СПб.
- Münzer, F. 1920: *Römische Adelsparteien und Adelsfamilien*. Stuttgart.
- Münzer, F. 1923: Servilia. In: *RE*. II. R. Hlbd 4, 1821.
- Münzer, F. 1927a: Lutatia. In: *RE*. Hlbd 26, 2096.
- Münzer, F. 1927b: Q. Lutatius Catulus. In: *RE*. Hlbd 26, 2072–2082.
- Murphy, P.R. 1958: Cicero's *Pro Archia* and the Periclean epitaphios. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 89, 99–111.
- Naguevskiy, D. 1911: *Istoriya rimskoy literatury [History of the Roman Literature]*. Vol. 1. Kazan.
- Нагуевский, Д. 1911: *История римской литературы*. Т. 1. Казань.
- Narducci, E. 1999a: Lettura della “Pro Archia” In: E. Narducci (ed.), *Cicerone Marco Tullio. Il poeta Archia*. Milano, 33–65.
- Narducci, E. 1999b: Pratica oratoria e pensiero retorico di Cicerone. In: E. Narducci (ed.), *Cicerone Marco Tullio. Il poeta Archia*. Milano, 5–31.
- Nesholm, E.J. 2010: Language and artistry in Cicero's “Pro Archia”. *Classical World* 103, 477–490.

- Netushil, I.V. 1912: [Introduction]. In: I.V. Netushil (ed.), *M. Tulliy Tsitseron. Rech' za poeta Archiya. Chast' II. Kommentariy* [*M. Tullius Cicero. Pro Archia Poeta. Part II. Commentaries*]. Saint Petersburg.
- Нетушил, И.В. 1912: Введение. В кн.: И.В. Нетушил (ред.), *М. Туллий Цицерон. Речь за поэта Архия. Часть II. Комментарий*. СПб.
- Nock, A.D. 1959: Posidonius. *Journal of Roman Studies* 49, 1–15.
- Pausch, D. 2004: Formen literarischer Selbstdarstellung in der Kaiserzeit. Die von römischen Herrschern verfaßten autobiographischen Schriften und ihr literarisches Umfeld. *Rheinisches Museum für Philologie* 147, 303–336.
- Pelling, Chr. 2007: The Greek historians of Rome. In: J. Marincola (ed.), *Companion to Greek and Roman Historiography*. Vol. I. Oxford. 244–258.
- Petrovskiy, F.A. 1958: [Literary-aesthetic views of Cicero]. In: F.A. Petrovskiy (ed.), *Tsitseron. Sbornik statei* [*Cicero. Collected Articles*]. Moscow, 42–56.
- Петровский, Ф.А. 1958: Литературно-эстетические воззрения Цицерона. В сб.: Ф.А. Петровский (ред.), *Цицерон. Сборник статей*. М., 42–56.
- Phillips, J.J. 1986: Atticus and the publication of Cicero's works. *Classical World* 79, 227–237.
- Porter, W.M. 1990: Cicero's *Pro Archia* and the responsibilities of reading. *Rhetorica: A Journal of the History of Rhetoric* 8, 137–152.
- Potter, D.S. 2011: Greek historians of imperial Rome. In: A. Feldherr, H. Grant, I. Hesketh (eds.), *Oxford History of Historical Writing*. Vol. I. Oxford. 316–345.
- Puelma, M. 2000: ðlogium: Probleme einer Wortgeschichte. *Museum Helveticum* 57, 36–58.
- Rawson, E. 1977: More on the "clientelae" of the patrician Claudii. *Historia* 26, 340–357.
- Reinach, Th. 1890: *De Archia poeta*. Paris.
- Reitzenstein, R. 1895: A. Licinius Archias. In: *RE*. Hlbd 3, 463–464.
- Sichler, E.G. 1915: Caesar, Cicero and Ferrero: II. *American Journal of Philology* 36, 19–43.
- Steel, C.E.W. 2001: *Cicero, Rhetoric, and Empire*. Oxford.
- Strasburger, H. 1965: Poseidonios on problems of the Roman Empire. *Journal of Roman Studies* 55, 40–53.
- Susemihl, F. 1891–1892: *Geschichte der Griechischen Litteratur in der Alexandrinerzeit*. Bd 1–2. Leipzig.
- Taylor, J.H. 1952: Political motives in Cicero's defense of Archias. *American Journal of Philology* 73, 62–70.
- Ullman, B.L. 1942: History and tragedy. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 73, 25–53.
- Usher, St. 1985: *Historians of Greece and Rome*. Bristol.
- Vanhaegendoren, K. 2004: La lecture vue par Cicéron, *Pro Archia* 12–16: croyances personnelles et contraintes rhétoriques. *Latomus* 63, 23–30.
- Vardi, A.D. 2000: An anthology of early Latin epigrams? A ghost reconsidered. *Classical Quarterly* 50, 147–158.
- Vishnia, R. F. 1996: Cicero "De senectute" 11, and the date of C. Flaminius' tribunate. *Phoenix* 50, 138–145.
- Vitelli, Cl. 1976: La 'pro Archia' e l' 'Hortensius': analogie e loro significato. *Hermes* 104, 59–72.
- Vretska, H., Vretska, K. 1979a: Einleitung. In: *Cicero Marcus Tullius. Pro Archia poeta*. Darmstadt, 1–22.
- Vretska, H., Vretska, K. 1979b: Kommentar. In: *Cicero Marcus Tullius. Pro Archia poeta*. Darmstadt, 66–188.
- Wallach, B.P. 1989: Cicero's "Pro Archia" and the topics. *Rheinisches Museum für Philologie* 132, 313–331.
- Wiseman, T.P. 1974: The Go-between. In: T.P. Wiseman, *Cinna the Poet and Other Roman Essays*. Leichester, 138–146.
- Yarrow, L.M. 2006: *Historiography at the End of the Republic. Provincial Perspectives on Roman Rule*. Oxford.